

традицией православия и не считал возможным отделять философию от её религиозных истоков, а Штраус, напротив, исходил из несовместимости и несоединимости философского и религиозно-богословского способов мышления. Несмотря на это, в характере их философско-правовых построений обнаруживается немало общего.

Концептуальной предпосылкой реактуализации идеи естественного права у обоих философов выступает критика принципа историзма. Оба философа отстаивали идею естественного права и универсальное понятие справедливости перед лицом историзма и релятивизма, но делали это по-разному. Ильин видел в историзме досадный предрассудок и порождение «больного» правосознания. Штраус же рассматривал этот принцип в качестве главного вызова, с которым столкнулась классическая философская традиция. В обеих концепциях идея естественного права выводится из «естественной интуиции» справедливости, сходным образом решается вопрос о соотношении положительного и естественного права.

Различия в характере обоснования естественного права у Ильина и Штрауса проистекают из различий в понимании природы философского знания. Если для Ильина философия начинается с содержательного раскрытия аксиом, то для Штрауса философия как «знание о незнании» начинается с критической постановки и осмысления фундаментальных вопросов.

Подлинную задачу философско-правовой рефлексии и Штраус, и Ильин видели в раскрытии объективного универсального содержания идеи естественного права. Оба философа усматривали в естественном праве инвариантную основу положительного права, при этом ими признавалось, что естественное право может подвергаться искажениям как на уровне теоретического осмысления, так и на уровне законотворческой и правоприменительной деятельности в любую историческую эпоху.

Рассматривая естественное право в качестве начала, присущего самой человеческой природе, оба философа исходили из того, что в основании естественно-правового мышления лежит не умозрительный постулат метафизики, а неискажённое видение элементарных фактов человеческой жизни. При этом Штраус раскрывал содержание идеи естественного права в ходе анализа историко-философской традиции и сравнительного описания античных, средневековых и новоевропейских политико-правовых теорий, Ильин же начинал построение системы философии права непосредственно с раскрытия сущности правосознания, его форм и «аксиом».

Немецко-американский философ, полемизируя с различными направлениями «историцистской» философии и демонстрируя самопротиворечивость историзма XIX–XX вв., подробно разбирал вопрос об условиях возможности (мыслимости) естественного права, для Ильина же данный вопрос существенного теоретического интереса не представлял.

Наиболее существенные содержательные различия в философско-правовых концепциях Ильина и Штрауса связаны с проблемой соотношения права и религии. Согласно Штраусу, претендующее на универсальность рационально-теоретическое обоснование идеи естественного права не может апеллировать к религиозному опыту и опираться на Откровение. Ильин же полагал, что такая апелляция не только возможна, но и необходима, поскольку нормальное правосознание, которому только и открывается естественное право в его подлинном смысле, всегда имеет сущностно религиозный характер.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.

И.А. Кацапова

*к.филос.н., старший научный сотрудник ИФ РАН.
Институт философии РАН*

(Москва, Россия)

В статье ставится вопрос о статусе философии права как междисциплинарной области знания, и проблема адаптации философско-правового знания к современным условиям общежития, рассматривается культурно – исторический контекст преемственности её идей, смыслов, направлений.

Ключевые слова: философия права, философская рефлексия, право, мораль, правосознание, культура, историческое.

The article examines the status of philosophy of law as an interdisciplinary field of knowledge, a problem of adapting philosophical and legal knowledge to modern living conditions and the cultural - historical context of the continuity of its ideas, meanings, trends.

Keywords: philosophy of law, philosophical reflection, law, morality, legal consciousness culture, historic.

Проблема *правового* сегодня полностью принадлежит юристам, которые много говорят о значении правопорядка и права как такового, уделяя мало внимания необходимым в социальном пространстве смыслам как моральным или идеальным основам права. С юридической точки зрения такое положение можно рассматривать как естественное, т.к. современного юриста профессионально готовят анализировать законодательные акты и судебные решения с тем, чтобы он умел извлекать правовую доктрину из этих официальных источников. Суть правового мышления заключается в том, что в своей профессиональной деятельности юрист в первую очередь должен ориентироваться на законодательные и процессуальные проблемы, тогда как проблемы моральных или идейных основ права выходят за пределы его юридического сознания. Для юриста общие принципы права, которые он применяет в своей практике, являются «непреложной данностью», он не может ставить их под сомнение, и «оценивать их он может только в контексте всех прочих признанных принципов права» [1, с.84]. Невольно юрист становится «орудием, звеном в цепи событий», а не их «сознательным инициатором» [там же]. Юрист как бы подстраивается под обстоятельства, а не анализирует их с точки зрения должного или сущего.

Общая теория права, обобщая накопленный юридической практикой и отраслевыми юридическими дисциплинами материал, так или иначе, нацелена на решение *юридически значимых* для жизни общества вопросов – это проблемы законодательства, правоприменения, проблемы правовой культуры. Стремясь концептуально обосновать и обобщить эти проблемы, общая теория права с необходимостью ориентируется на философию, используя, в частности, методы философского анализа. При этом общей теорией права, ее концептуальной частью, по большей части занимаются теоретики так называемого правового позитивизма, который ограничен не только рамками юриспруденции, но и юридической догмой.

Именно юридическая наука по преимуществу наиболее полно исследует право, однако объективное познание природы, структуры и содержания права все-таки не может в полном объеме быть выполнено рамками только позитивной юридической науки. Проблема заключается прежде всего в методологии, в способах познания права и правовой реальности. Согласно позитивистской установке, существует только юридическое право, всякого рода «сверхпозитивные» основания права ею не воспринимаются серьезно. Очевидно, именно потому, что юридический позитивизм ориентируется только на традиционный подход к праву, он не затрагивает вопросов *моральной* теории. Но, по сути, выходит, что он и не должен этого делать. Более того, ориентируя граждан на законопослушное поведение, правовой позитивизм исключает обсуждение каких бы то ни было условий консенсуса.

Право, являясь социальной нормой, внешне ограничивающей действия индивида в общественной жизни, одновременно содержит в себе не только требование подчинения

некоторому высшему принципу, но и наличие обязательств, принимаемых индивидом. В социальном пространстве на человека возложены обязанности, которые рассматриваются как обязанности по отношению к другим людям вообще и обязанности по отношению к конкретным индивидам. Такого рода обязанности «поддаются формализованному определению без особых трудностей» [2, с. 57]. Как социальное явление право не только регулирует правоотношения, но и через правосознание может выступать в качестве этического *принципа - нравственно-регулирующего* общественные отношения.

В мире человеческих отношений реальность права предполагает прежде всего правовое понимание и правовой подход к основным социальным отношениям. Поэтому характеристикой современного человека является не только уровень его *самопознания*, но одновременно и уровень его *правосознания* как необходимой установки, способствующей современному человеку не только воспринимать юридическую теорию, но более того ориентироваться в юридической практике.

Не подлежит сомнению то, что правосознание – как форма сознания и мировоззрения формируется в процессе правовой социализации, что по сути является отражением правовой действительности в сознании человека.

В социальной реальности индивид не фиксирует границ между правом и моралью, потому что обе категории соотносятся по принципу взаимодополнения. Неочевидная, но социально необходимая связь между правом и моралью есть совершенно обоснованная *право-мерная* реальность, в которой требования права и требования морали не просто иногда совпадают, главным и основным условием их взаимодействия является то, что сама *идея* права, т.е. *сущность закона* (или сам закон) должна соответствовать требованиям морали. Естественно, это не должно и не сводится к тому, что право и мораль совпадают полностью (например, обязанность вежливости не может быть правовой, а только моральной и т.п.). Истина заключается в том, что каким бы ни было правило, оно может быть законом только в том случае, если требует, *как минимум, морально допустимого*, иначе «несправедливый закон – это не закон вообще», *lex injusta non est lex* (св. Августин). В данном случае, *моральность* может рассматриваться как необходимое условие для законности, в том смысле, что соответствие некоторым требованиям морали является частью условия для *определения* закона.

Важно отметить, что именно в творческой дискуссии различных правопониманий, концепций, исторически сложившихся как в странах европейской цивилизации, так и в России заключается *единство* философии права. Собственно, поэтому сегодня мало просто заявить о том, что юриспруденция, опираясь на традиционный подход к праву, *должна* вернуться и к решению вопросов «моральной теории» (Р. Дворкин), необходимо еще попытаться осмыслить проблему взаимосвязи права с моралью – тем более, что она одна из самых давних традиций истории общественной мысли. И на самом деле проблема заключается как раз не в авторском предпочтении той или иной темы или раздела общей теории или философии права, она обусловлена общекультурными основаниями. В период конца XIX – начала XX века философия права стран Западной Европы практически была сведена к правоведческим наукам и философии политики. Отечественная же традиция формирования и развития философии права в этот период в существенной мере была сосредоточена именно на нравственно-правовых принципах, являющихся или долженствующими стать основаниями правотворчества и правоприменения. И в этом ее существенное отличие от философии права стран Западной Европы. В отечественной политико-правовой мысли ценность права в большей мере отождествлялась с его огромным нравственным значением, считалось, что именно нравственные принципы, присущие праву, способствуют его усовершенствованию (В.С. Соловьев, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин и др.).

Анализируя традицию осмысления права в тесной связи с категориями морали, следует отметить тот факт, что изменение ценностных приоритетов от эпохи к эпохе влияет на конкретные изменения в теоретической правовой мысли и, соответственно, в

практической нормативной жизни. Современное представление о ценностном взаимодействии морали и права естественным образом опирается именно на анализ исторической логики развития их взаимоотношений.

Сегодня, в системе современных ценностей - говорим ли мы о духовных смыслах, или о праве, или о справедливости - все это непосредственно составляет ту самую реальность – *правовую реальность*, которую исторически создал сам человек, и главное, на что следует обратить внимание в первую очередь - на самого человека. Поэтому сегодня обоснование необходимости формирования знания философско-правовой проблематики является вполне актуальной проблемой. Например, даже для современной философии значение *философии права* имеет весьма прагматический смысл, и на риторический вопрос: «зачем современному человеку нужна философия?», вполне резонно можно ответить: прежде всего для того, чтобы жить достойно, или хотя бы иметь на это право.

Практическое значение философия права имеет не только для философов, но также и для юридической науки и даже для юридической практики, на которую философия права может влиять в решении процессуальных вопросов. Хотя, следует заметить, что до сих пор остается открытым вопрос о необходимости существования философии права, особенно для практикующего юриста, искренне сомневающегося в том, нужна ли ему вообще философия права. Юридическое сознание не воспринимает серьезно знание философии права прежде всего потому, что считает ее отвлекающей и спорной, содержащей больше вопросов, чем ответов. Насколько, в таком случае, *конкретны* юридические категории – правовая свобода, равенство сторон или права человека? Ведь, как писал создатель «Капитала» К. Маркс, «даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они – именно благодаря своей абстрактности – имеют силу для всех эпох», по существу своему в самой этой определенности абстрактности представляют собой «продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах».

Литература

1. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода. М., ИРИСЭН, 2006.
2. Фуллер Л.Л. Мораль права. М., ИРИСЭН, 2007.

ПУТИ ЛЕГИТИМАЦИИ НОРМ В КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ: ТРАДИЦИИ И РАЗВИТИЕ¹

Сычев А.А.

*профессор, доктор философских наук
Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Россия)*

УДК 348.01/.07

Рассмотрены различные стратегии приложения норм канонического права к современности, соответствующие разным типам непосредственной легитимации (правового оформления) канонов. Показано, что в православии основной формой легитимации является соборное принятие канонов, результатом чего является делегирование вопросов правоприменения на уровень епископата. В католицизме формой легитимации является обнародование канонов папой, что позволяет кодифицировать каноническое право в соответствии с церковными потребностями. Протестантизм, признавая только нормы, прямо выраженные в Библии, отрицает каноническое право. Рассмотренные стратегии демонстрируют возможные пути социокультурного развития

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Нормативные измерения христианских канонов: традиции и динамика», № 21-011-44239